

Юрий
Мухин

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Берия

За что его оклеветали?

Кремлевский триллер

Юрий Мухин

**Неизвестный Берия.
За что его оклеветали?**

«Алисторус»

2011

Мухин Ю. И.

Неизвестный Берия. За что его оклеветали? / Ю. И. Мухин — «Алисторус», 2011 — (Кремлевский триллер)

Л.П. Берия, оклеветанный Хрущевым, стал для многих людей олицетворением зла. Между тем, будучи ближайшим соратником великого Сталина, он сыграл выдающуюся роль в создании непобедимой Советской империи. В частности, именно благодаря Берии в СССР в кратчайшие сроки, в тяжелое послевоенное время был создан ядерный щит, сделавший невозможным нападение США на Советский Союз. Заслуги Берии перед Советской державой огромные; он мог бы сделать и больше, если бы не был подло убит почти сразу после убийства Сталина. Автор книги не сомневается, что это были именно убийства...

© Мухин Ю. И., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Глава 1	5
Потсдам	5
Репарации	8
Молотов и атомная бомба	12
Проблема управления	15
Спецкомитет	19
Нефть для народа	21
Глава 2	23
Перебор кавказцев	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Игнатьевич Мухин

Неизвестный Берия.

За что его оклеветали?

Глава 1

Начало шантажа СССР

Потсдам

После обеда 25 июля 1945 года Черчилль улетел в Лондон, чтобы, как все полагали, присутствовать на своей победе на очередных парламентских выборах. На конференции глав стран-победительниц во Второй мировой войне в Европе, проходившей недалеко от Берлина в городе Потсдаме, образовался перерыв в два дня.

Вечером, когда жара несколько спала, Сталин, Молотов и Берия вышли прогуляться в парк Нойен Гартэн.

Для оговоренной еще в Крыму конференции сам Берлин, после его штурма советскими войсками, никак не подходил, Потсдам тоже был сильно разрушен, поэтому размещать делегации и там было трудно. Но в Потсдаме сохранилось большое здание – дворец германского кронпринца, расположенный в парке Нойен Гартэн. В нем было достаточно помещений для заседаний и работы многочисленных экспертов и советников, а для размещения глав делегаций, министров иностранных дел и остальной свиты хорошо подходил пригород Потсдама – Бабельсберг, почти не пострадавший во время войны. В Бабельсберге до войны жили крупнейшие правительственные чиновники, генералы и прочие видные деятели нацистской Германии, в связи с чем он состоял из многочисленных удобных двухэтажных вилл, утопавших в зелени и цветниках.

Маршал Жуков, командовавший войсками в советской зоне оккупации, проявил бешеную энергию и чудеса верноподданнической старательности, послав в Потсдам многочисленные отряды и команды инженерных частей Красной Армии. Работа шла по 24 часа в сутки, и к 10 июля все было закончено. В помещении дворца, где должна была проходить конференция, капитально отремонтировали 36 комнат и конференц-зал с тремя отдельными входами. Американцам выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичанам для У Черчилля – розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. В Нойен-Гартэн соорудили множество клумб, высадили до десяти тысяч различных цветов, многие сотни декоративных деревьев.

Помимо прочих обязанностей, Берия все еще руководил Народным комиссариатом внутренних дел, поэтому в его работу входила и организация подслушивания конфиденциальных разговоров, которые вели между собой приезжавшие в СССР высокопоставленные иностранцы. И Берия знал, что подобная мишура давала прямо противоположный эффект, поскольку и премьер-министр Британской империи, и президент США были выборными руководителями, которых требования избирательных кампаний заставляли вести себя скромно. Излишняя роскошь, которую предоставляла им советская сторона, может, и льстила им, но давала возможность громогласно издеваться над ненужной расточительностью «тоталитарного режима», противопоставляя эту, действительно ненужную, помпезность своей «демократической» скромности. Кстати, глава «тоталитарного режима» И.В.Сталин, органически не терпев-

ший никакой помпезности, приехав с вокзала в свою резиденцию в Потсдаме – виллу генерала Людендорфа, – тут же потребовал убрать из нее всю излишнюю мебель, которую с фельдфебельской старательностью со всей Германии стащил в нее маршал Жуков.

«Чем более застенчивым является генерал перед лицом противника, тем большую решимость и отвагу проявляет он в деле угождения начальству, – хорошо известный, хотя и мало вспоминаемый, закон военного искусства», – подумал Берия. И ему вспомнилось произведение Куприна, в котором командир учебной роты объяснял юнкерам, что русский офицер обязан отличаться благородством души и блеском сапог. «Что касается благородства души, то его у царского офицерства к революции почти не осталось, да и у нынешнего пока не сильно прибыло, – оценил ситуацию с офицерством Красной Армии Берия. – Но если эти циклопические усилия Жукова считать за блеск сапог, то блеска – да, блеска у нынешнего офицерства больше, чем нужно. Впрочем, – усмехнулся сам себе Берия, – над кем смеюсь? Я ведь уже две недели и сам Маршал Советского Союза».

В этот день встреча Сталина, Черчилля и Трумэна началась в 11 часов утра, а это время, когда Сталин, обычно работающий до 4–5 часов ночи, только просыпается. Поэтому утром спешащий Сталин не смог переговорить с Молотовым и Берией ни о чем, непосредственно не касающемся темы идущих переговоров с союзниками. Теперь же можно было поговорить не спеша, и Сталин решил совместить трудный (в чем он не сомневался) разговор с осмотром окрестностей, которые его, любившего цветы, не могли не интересовать.

Речь шла о сообщении, полученном от Трумэна вчера вечером, которое Сталин тогда же передал Молотову, а тот Берии, но обсудить его они не успели.

Накануне, 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда члены делегаций поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, президент Трумэн подошел к Сталину, и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Трумэн сообщил, что Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов, если считать в британской валюте, и создали новую бомбу! Исключительной силы! И уже успешно испытали ее! И эта бомба будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача!

Однако Сталин принял это известие настолько спокойно, что и Трумэн, и, наблюдавший за их разговором со стороны Черчилль решили, что в тяжелых трудах Сталина заботам об атомной бомбе совсем не было места. Черчилль, к примеру, был уверен по виду Сталина, что если бы Сталин имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась благодаря наличию у США, и только у США, такого мощного и принципиально нового оружия, то это сразу было бы заметно. Более того, Черчилль считал, что ничто не мешало Сталину сказать: «Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?» Однако Сталин сохранял на лице веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда все начали разъезжаться, Черчилль подошел к Трумэну. «Ну, как сошло?» – спросил он. «Он не задал мне ни одного вопроса», – ответил Трумэн.

Отсюда Трумэн с Черчиллем пришли к выводу, что Сталин ничего не знает об атомном оружии, и, следовательно, СССР в атомной гонке безнадежно отстал, однако они ошибались.

Сталин об атомной бомбе знал очень много, но это не делало СССР сильнее.

В Нойен-Гартэн Сталин начал прерванный вчера разговор, восхищенно осматривая куст роз, разведением которых увлекался на своей даче.

– Какой прекрасный сорт! Интересно, приживется ли он в Подмосковье? – Затем повернулся к Молотову: – Так ты, Вячеслав, считаешь, что у союзников атомной бомбы еще нет и Трумэн с Черчиллем вчера просто блефовали, когда сообщили об ее успешном испытании?

– Думаю, блефуют, – как всегда, подумав, ответил Молотов, – набивают цену, чтобы убедить нас, что мы им больше не нужны для победы над Японией, и с японцами они, дескать, и сами справятся, а посему в вопросах европейского устройства мы им должны уступать. Они на нас давят этой бомбой – это как раз в характере Черчилля, и по его физиономии это было видно. Мы в своей зоне оккупации взяли всех найденных немецких физиков, допросили, и они, судя по всему, не врут – немцы были еще очень далеки от создания атомной бомбы. Неужели их так опередили американцы? Не верится...

– Не верится или не хочется верить? – спросил Сталин и обратился к Берии. – А ты, что думаешь, Лаврентий?

– Тут два вопроса, – тоже подумав, начал Берия. – Во-первых, они эту чертову бомбу создали. Наши компетентные источники информации нам пока недоступны – мы не можем пока с ними связаться, но, судя по веселью и пьянкам в кругах, связанных с этим проектом, скорее всего, позавчера они ее успешно испытали.

Но сколько этих бомб у них может быть? По нашим сведениям и расчетам, еще две, от силы, три. Ну, разрушат они два или три японских города, ну, убьют несколько десятков, пусть даже сотен тысяч мирных жителей – что из того? Они только разозлят японцев. Нет, без нас, без СССР, союзники войну с Японией не закончат. И только вступление в войну Советского Союза подорвет боевой дух японцев, только это заставит их капитулировать, ввиду полной бесперспективности дальнейших боевых действий.

Во-вторых. Они действительно блефуют. Им, чтобы закончить войну с Японией, нужны сухопутные силы, а их армия в Европе драться в Японию не поедет – разбежится. Правда, их генералы стесняются так говорить и говорят «самодемобилизуется». Их же солдаты тут, в Европе, счастливы, что уцелели в войне с немцами, а теперь сама мысль о том, что их ждет возможная смерть в боях с японцами, для американских солдат невыносима. Американские солдаты, да и большинство офицеров, открыто говорят, что они, дескать, свой долг исполнили – немцев разбили, и теперь пусть с японцами дерется кто-нибудь другой.

Так что Черчиллю и Трумэну мы нужны, как воздух, и нельзя им ни на копейку делать никаких уступок по этой причине – с бомбой или без бомбы, они войну без нас не закончат.

Репарации

Тут Берия вспомнил, что следующее заседание конференции, по договоренности глав государств, должно будет рассмотреть вопрос о репарациях с Германии и ее союзников, после чего в памяти мелькнуло обсуждение этого вопроса у Сталина еще в конце зимы. Тогда Сталин пригласил его в свой кабинет, в котором уже сидели Вознесенский и Микоян.

– Вот какой, довольно интересный вопрос, – жестом пригласив садиться, начал Сталин. – То, что мы немцев победим – это факт, осталось сделать это с минимальной кровью наших солдат. И теперь надо подумать, как заставить немцев хотя бы немного компенсировать нам потери в войне? О чем договариваться с союзниками после Победы? Ведь здесь два принципиальных момента.

Можно наложить на немцев большую контрибуцию. Вряд ли англичане и американцы дадут нам это сделать, но пробовать можно. Сразу немцы большую контрибуцию не выплатят, следовательно, придется получать ее в течение 10, а может, и 20 лет. Для этого надо оставить немцам все их заводы, они будут на них работать и выплачивать нам долг.

А можно вывезти у них по репарациям оборудование всех их военных заводов и включить его стоимость в сумму военных компенсаций.

Товарищи Вознесенский и Микоян предлагают идти по первому пути, я правильно вас понял, товарищ Вознесенский?

– Да, конечно. Оборудование нынешних заводов Германии уже и физически изношено, и морально устарело. А за немецкие деньги мы можем купить в США или у тех в мире, у кого оно есть, самое современное и эффективное оборудование.

Вознесенский, по мнению Берии, был человеком не на своем месте уже хотя бы из-за своих непомерных амбиций и гипертрофированного самолюбия. Освоив плановую работу, по сути, работу бухгалтера, но в масштабе государства, он был председателем Госплана и в этой должности заместителем Сталина в правительстве – в Совете Народных Комиссаров. Работы советской экономики не знал и не собирался в ее подробности вникать. Работал механически, полагаясь на числа в отчетах и советы своего аппарата. Понимал он это сам или нет, но из-за своего незнания в трудных вопросах он боялся принимать ответственные решения, стремясь, чтобы эти решения принял лично Сталин. Этим Вознесенский очень усложнял работу остальных хозяйственных руководителей страны, в том числе и Берии, хотя Берия был заместителем Сталина не только в правительстве, но и в высшем властном органе страны – в Государственном Комитете Обороны.

Не понимая, что он является самым слабым руководителем, Вознесенский очень обиделся, когда ему не присвоили звание Героя Социалистического Труда в 1943 году. До этого, еще в 1942 году, звание Героя было присвоено целому ряду хозяйственных руководителей звена нарком (министр) – директор завода, а потом Сталин счел, что это ненормально, что среди высших руководителей страны он единственный Герой, и представил к присвоению звания Героя своих заместителей – Молотова, Берия, Микояна и даже Маленкова.

Возможно, что из жалости и чтобы не обижать Вознесенского, из которого амбиции просто выпирали, Сталин представил бы к званию Героя и Вознесенского, но тот своей глупостью испортил все дело. Он в 1942 году поручил своему аппарату состряпать себе докторскую диссертацию по экономике, а в 1943 защитил ее, и тут же угодливая Академия наук приняла его своим членом. Таким образом, Вознесенский получил нужным образом оформленные справки о том, что он лучший хозяйственник СССР. У него не хватало ума понять, что мнение о нем его товарищей-министров и его подчиненных, о котором он не заботился никак, в тысячу раз более почетно и ценно, нежели мнение безответственных и продажных болтунов из Академии наук. Но главным было время, которое он выбрал для защиты диссертации и баллотировки в

Академию – 1942–1943 годы, – страшнейшие годы войны, когда его товарищи по правительству и подчиненные света белого не видели из-за работы по приближению Победы. Вознесенский не понимал, что теперь присвоение ему звания Героя Социалистического Труда было бы оскорблением этому званию.

Берия, изучив Вознесенского, очень сомневался, что тот мог додуматься до мысли о контрибуции с Германии, Берия ни на минуту не сомневался, что идею явить Сталину свой академический гений ненавязчиво подсказал Вознесенскому хитрый Микоян – нарком (министр) внешней торговли СССР. В войне Советский Союз поистратил свой золотовалютный запас, и после войны Микоян рисковал остаться без работы, а валюта, поступающая из Германии, давала его наркомату надежду на постоянную работу и хороший кусок хлеба с маслом.

– Что вы по этому вопросу думаете, товарищ Берия?

Этим вопросом Сталин пояснил, зачем он вызвал Берию.

– Да, логика есть, – ответил Берия. – Но проработали ли товарищи Вознесенский и Микоян вот такие, с ходу пришедшие мне в голову вопросы.

Большая часть Германии будет оккупирована союзниками. Это сейчас мы им очень нужны, в связи с тем, что они без нас войну с Японией не закончат. Поэтому не исключено, что мы в документах по итогам войны сможем убедить их на выплату Германией достойной контрибуции. Но ведь как только мы перестанем быть им нужны, они тут же сделают так, что с той части Германии, которую оккупируют они, мы никаких денег не получим. Большая контрибуция – это журавль в небе. А будем собирать ее только со своей части Германии, озлобим против себя тех немцев, которых нам, собственно, злить ни к чему.

А вот оборудование тех заводов, которые наши войска захватят – оно наше, оно уже у нас. И лучше синица в руке, чем журавль в небе.

Но не это главное. Мы демобилизуем армию. Где, на каких заводах будут работать наши демобилизованные солдаты? Даже если бы сейчас у нас было много денег, и мы сегодня заказали бы заводы в США, то пока там их спроектируют, пока поставят нам новое, еще не опробованное в работе оборудование, пока на нем будет отработана технология, пройдут годы.

А если мы перевезем к себе немецкое оборудование, то, во-первых, оно уже готово, во-вторых, технологические процессы на нем уже отработаны, в-третьих, мы среди пленных найдем специалистов для быстрого обучения наших специалистов работе на этом оборудовании. У нас не возникнет обычной для послевоенного времени безработицы.

Гитлер основные заводы построил перед войной, и даже в ходе войны, поэтому я бы не стал пугаться того, что они так уж сильно морально устарели. Потом, что такое морально устаревшее оборудование? Положим, это старый токарный станок. Да, на нем не выточить гидргаикку, но простую гайку и болт выточить без труда. Но у нас сейчас не хватает ничего – ни болтов, ни гаек, ни каких-либо станков, чтобы их точить, – ни старых, ни новых. А рассрочка в выплате контрибуции приведет к тому, что мы новое оборудование за рубежом будем покупать и вводить в строй очень долго, и очень долго еще и потому, что ни у кого не будет опыта эксплуатации такого оборудования. При таком подходе процесс восстановления нашего хозяйства будет идти очень медленно.

А для перевозки немецких заводов из Германии в СССР и для постройки у нас зданий этих заводов и фундаментов для этого оборудования потребуется хотя и много труда, но это будет, в основном, не очень квалифицированный труд. И вот тут, на мой взгляд, есть очень важный вопрос, который напрямую с экономикой как будто и не связан.

Если потребовать с немцев эту сомнительную контрибуцию, то нужно будет немедленно отпустить всех немцев из нашего плена – и из нашей зоны оккупации, и из англо-американской, чтобы они работали в Германии – ведь контрибуция будет взиматься с каждого работающего немца.

А как же наказание за войну, за смерть наших людей? Как же наказание за то, что они голосовали за Гитлера? Нет, я считаю, что немецкие пленные должны поработать у нас и хотя бы немного загладить свою вину и вину Гитлера.

Не могу точно оценить, сколько пленных мы возьмем – часть-то пленных возьмут союзники, – но, думаю, миллиона три трудового ресурса низкой квалификации мы будем иметь. А может, и больше. К станкам их не поставишь – к станкам нужно ставить свободных людей, чтобы они имели стимул повышать квалификацию. А пленных придется использовать в строительстве, но в строительстве каких предприятий, если для этих предприятий нет оборудования?

И не только о пленных речь. Масса наших мерзавцев служила и служит у немцев. Простить их нельзя! Представляете, товарищ Сталин, вернется такой мерзавец, служивший у немцев пусть даже и в обозе, в свое село, а вокруг вдовы, мужья которых убиты с помощью этого мерзавца. Каково будет этим вдовам? Поэтому таким мерзавцам хоть пять лет, а дать надо. И, думаю, таких негодяев будет несколько сот тысяч.

Так что и справедливость требует держать синицу в руке, хотя и контрибуцию, конечно, требовать надо.

В итоге я за то, чтобы сразу же выгрести из Германии все, что нам может пригодиться. Этим мы выиграем два-три года в собственном развитии.

– Что касается рассрочки выплаты контрибуции, – вступил в разговор Микоян. – Мы могли бы взять кредиты и погашать их этой самой, получаемой в рассрочку контрибуцией. Но мы купили бы новые и современные оборудование и заводы, а не старые и изношенные.

– Ты, Анастас Иванович, не беспокойся – мы закупки за рубежом прекращать не собираемся, и работы тебе, наркому внешней торговли, хватит, – усмехнувшись, сказал Сталин. – Тут вопрос в другом. Наша цель – как можно быстрее построить такой Советский Союз, который бы не нуждался в закупках оборудования за рубежом, который бы любую сложную технику мог делать сам. А для этого СССР нужны опытные ученые, инженеры и рабочие. И опыт эти люди получают в собственной работе, а не в созерцании чужих достижений.

Образно этот случай можно описать так. У нас есть возможность или немедленно получить грузовик с мотором мощностью 30 лошадиных сил и грузоподъемностью 1 тонну, или через три года получить 3-тонный грузовик в 70 лошадиных сил. Что лучше? Лучше немедленно начать возить грузы на 1-тонном грузовике и работой на нем воспитать кадры конструкторов, механиков и шоферов, которые через пять лет безо всяких закупок из-за рубежа сами построят и сами будут успешно эксплуатировать 10-тонный грузовик. Мы не потеряем время не только для восстановления народного хозяйства, но и для обучения и воспитания кадров.

Тогда так и решили.

А буквально накануне, в начале июля 1945 года, Берия вызвал к себе наркома (министра) нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбакова. Тому было 34 года, наркомом он стал едва полгода назад, а предприятия его наркомата были разбросаны по всей территории СССР. Конечно, Байбаков был горд должностью, но, в то же время, внутренне сознавал, что он не охватывает всех проблем отрасли и не справляется с той массой дел, которая на него навалилась.

Когда Байбаков вошел в кабинет, Берия стоял у карты Советского Союза, испещренной пометками предприятий, за работу или строительство которых он отвечал. Приветливо поздоровавшись с молодым наркомом, своим протеже, Берия не спеша начал.

– Николай Константинович, нам досталось множество немецких химических заводов, работавших на войну. К примеру, в Польше, в районе Освенцима, немцы построили комплекс современных химических предприятий, на которых евреи, согнанные в концлагеря Освенцима со всей Европы, из местных углей производили для немцев каучук, моторное топливо, взрывчатку и многое другое.

Советскому Союзу вся эта продукция нужна, поэтому эти заводы обязательно нужно перевезти в СССР, смонтировать и заставить эти заводы работать на нас.

Байбаков, и так не справляющийся со своим объемом дел, ужаснулся.

– Но товарищ Берия, я нарком нефтяной промышленности, а это химия, эти заводы – это не мое дело, это дело Главгазтоппрома!

– Во-первых, – спокойно уточнил Берия, – и не мое, во-вторых, знаю, какой вы промышленности нарком, товарищ Байбаков, но Советскому Союзу нужна продукция этих заводов, понимаете – нужна! И Политбюро поручило мне организовать ее производство, а вы подчиняетесь мне. Так что включайте в состав своего наркомата Главгазтоппром и считайте это дело своим!

– Слушаюсь, товарищ Берия, но вы берете у правительства поручения, а выполнять потом мне.

– Вы паникуете, Николай Константинович, раньше времени, – начал сердиться Берия, – вам гордиться нужно тем, что в вас верят, а не ныть!

Давайте лучше прикинем, где в Союзе их разместить? Эти производства требуют много воды, поэтому нам нужны такие районы, чтобы и уголь был в избытке, и река была.

Начнем с Донецкого угольного бассейна, – Берия посмотрел на карту. – Пусть специалисты Главгазтопа поищут площадку для строительства где-нибудь в низовьях Дона – в районе Ростова или Новочеркасска.

Так, Урал. Тут, пожалуй, удобно опереться на реку Белая. Рядом и бурые угли, и нефть Башкирии. Пусть поищут подходящую площадку в районе Уфы или Стерлитамака.

Ну, и что-то нужно дать Сибири. Тут очень хороши Черемховские залежи угля. А рядом Ангара. Давайте-ка именно сюда перебросим предприятия из Освенцима. Комбинат будет очень большой, возможно, собственно в Иркутск его перемещать и не стоит... Видимо рядом придется основать новый город, какой-нибудь Ангарск.

– И за сколько же лет мы должны будем управиться с этим делом?

– За два года.

– Невозможно!

– Опять вы за свое! – рассердился Берия. – Ничего. Глаза боятся – руки делают, управимся...

Берия в мыслях отключился от этих мгновенно промелькнувших воспоминаний и вернулся в Потсдам.

– И надо постараться, – сказал он Сталину и Молотову, – как можно больше немецких заводов вытащить из зоны оккупации союзников.

Молотов и атомная бомба

– То, что они сегодня блефуют, это понятно, но атомная бомба – это очень серьезно, – продолжил Сталин. – Почему? Потому, что именно это преимущество через год или через пять лет – когда они накопят эти бомбы, может толкнуть их на военную авантюру против нас: вора делает вором случай.

Вячеслав, партия и Государственный Комитет Оборона тебе поручили создать атомную бомбу. Когда нам ее от тебя ждать? Через год, три года, десять лет?

– Не знаю, стыдно признаться, товарищ Сталин, но не знаю.

– Что так? Тебе не помогают? Вознесенский или Берия не делают того, что обязаны делать?

– Не в этом дело: с Вознесенским я совладаю, а Лаврентий сам меня в этом деле подталкивает.

Чувство собственного достоинства, присущее Молотову, не позволяло ему врать в случаях личного оправдания, поэтому он и сказал о подталкивании его Берией. А вызвано это было тем, что Курчатов, занимавшийся работой по атомной бомбе, не получая необходимого для этой работы у подчиненных Молотова, часто жаловался Берии, и уже тот решал вопросы Курчатова у Молотова.

– Так в чем же дело? – настаивал Сталин на ответе.

– Я не могу вопросы создания атомной бомбы охватить. Я же все время, как буриданов осел, стою перед вопросом, кому направить ресурсы – на производство танков, самолетов – того, что действительно приведет к Победе и спасению жизней наших солдат, или на какую-то сомнительную атомную бомбу? Ведь тратя деньги на это дело, я фактически отодвигаю Победу, а мне никто внятно не говорит, получится это дело или нет. А сам я, к своему стыду, вникнуть в подробности создания атомной бомбы не могу.

– Но ты же мог заставить Академию наук прояснить тебе ситуацию...

– Как, Коба, как?! – начал горячиться Молотов, который единственный в правительстве обращался к Сталину на «ты» и называл его старой партийной кличкой «Коба». – Это же не простые люди, это большие умы, – это обмылки в бане, которые в руках не удержишь. Как только ставишь перед ними прямой вопрос, они начинают вертеться, как уж на сковородке, и ни да, ни нет не говорят.

– Неладное у нас дело с наукой, неладное, – продолжил Молотов. – Набились в нее черт знает какие люди, понаписывали неизвестно кому нужных диссертаций, а на самом деле только и умеют, что повторять то, что уже открыто другими. Деньги тратят на свои исследования без счета, любят себя, как гигантами ума, а попробуй поручить им действительно новое, нужное стране дело и в ответ, вместо конкретного решения, получишь только заумную болтовню и общие сомнения по любому вопросу.

– Это обычное дело, и тебе надо было искать действительных ученых-физиков, и на них опираться, – не принял объяснения Сталин. – Разве не то же самое у нас происходит с конструкторами, скажем, в авиации? А возьми биологию с ее засильем болтунов-генетиков, морганистов-вейсманистов, бесплодных, как мулы. Но мы же выдвинули Лысенко, мы же оперлись на его идеи мичуринской генетики и теперь имеем не только болтунов-морганистов в институтах, но от Лысенко имеем и новые высокопродуктивные сорта, и прогресс в сельском хозяйстве. Подбор кадров, Вячеслав, это главное дело коммунистов, и нас с тобой от этого никто не освобождал.

– Я что, заслужил такой упрек? – обиделся Молотов. – Ты вспомни середину тридцатых, ведь крику о достижениях советской ядерной физики было хоть отбавляй, казалось, еще немного и у нас паровозы будут ездить на ядерном топливе. Вспомни, у нас перед войной не

только академики, но и молодые физики, казалось бы, делали выдающиеся открытия в области ядерной физики. У нас уже тогда было только специализированных на ядерных исследованиях четыре исследовательских института: в Ленинграде, Харькове и два в Москве. По-моему, с 1920 года у нас работает завод по переработке урановой руды и получения радия на Каме в Березниках. Я же был председателем Совнаркома и помню, что государство денег для этих физиков не жалело.

А что получилось, когда государству потребовалась атомная бомба? Эти же физики все разбежались. Есть такой Ландау, рекламу ему сделали, что это чуть ли не «быстрый разумом Невтон», так тот вообще заявил, что по его расчетам атомная бомба невозможна...

– Постойте, Вячеслав Михайлович, знакомая фамилия, – вступил в разговор Берия. – Это не тот антисоветчик, которого я где-то перед войной освободил и передал на поруки академику Капице?

– Может, и тот. И Капица, кстати, тоже уклонился от того, чтобы возглавить работы по созданию атомной бомбы. Вспомните, товарищ Сталин, когда Берия где-то весной 42-го года написал докладную о необходимости заняться атомной бомбой, и этот молодой физик Флеров нам об этом же с фронта написал, мы же тогда запросили Академию Наук. И все эти Иоффе и Капицы, наши «быстрые разумом невтоны» нам ответили, что советская наука не может сделать стране атомную бомбу, – зло напомнил Молотов известное собеседникам обстоятельство. – В конце концов, я в 1943 году поставил на эту работу Курчатова, хотя он ученик и сотрудник предателя Гамова, сбежавшего в Америку в начале тридцатых. Сам Курчатов и этот Флеров работают, как и надо работать, но с ними-то почти никого нет! Курчатов до сих пор смог привлечь человек 5–6 физиков, да и то – молодых. На важнейшем направлении – на создании ядерного реактора работает сам Курчатов и еще всего два физика.

Можно заставить человека выкопать яму, – подумав, закончил мысль Молотов, – но как ты ученого заставишь найти в науке что-то новое, если он заявляет, что это новое найти невозможно? И остальные физики, ходят вокруг да около, занимаются чем угодно, какими-то космическими лучами, как тот же Ландау, но начинаешь привлекать их к делу, и они тут же становятся неспециалистами в этом вопросе.

– Это что же, саботаж?! – Сталин посмотрел на Берия.

– Не думаю... – пожав плечами, ответил тот. – Мы до сих пор не имеем никаких данных о том, что такое поведение наших ученых является осмысленным стремлением помочь немцам, их союзникам или капиталистам. Скорее всего, тут трусость нашей науки перед реальным делом. Привыкли к тому, что есть у их исследований полезный результат или его нет, а диссертации они все равно защитят. Привыкли повторять чьи-то исследования. А атомная бомба – дело незнакомое: возьмешься за него и ничего не получится – какой же ты физик и академик?

Но, товарищ Сталин, на мой взгляд, товарищ Молотов говорит не о главном, – Берия решил высказаться. – Я вообще не вижу здесь вопроса после того, как американцы атомную бомбу все же создали. Раз американские физики ее создали, значит, и наши обязаны... если они физики. А не хотят, так у нас еще много школ, в которых не хватает учителей, – будут не в Академии сидеть, а учить деток в школах тому, что тела при нагревании расширяются.

Потом, если бог не выдаст и американцы не вскроют нашу агентуру, то мы вскоре получим все, чтобы американскую атомную бомбу скопировать. Не захотят наши академики этим заняться, найдем простых физиков, и на этой работе они станут академиками.

Вообще, все эти вопросы с конструкцией атомной бомбы, это не айсберг, и даже не вершина его, а только маленькая льдинка на вершине айсберга. Главное же в другом.

Образно говоря, нам сейчас нужен современный самолет и мы обсуждаем, есть ли у нас конструктор, чтобы сконструировать такой самолет. Но, чтобы построить самолет, нужен алюминий, нужна качественная сталь, нужна резина, нужна медь, нужны изделия из этих материалов – от двигателей до электромоторов. И если ничего этого нет, то какой смысл обсуждать

кандидатуры и количество конструкторов самолета? Его все равно не создашь из-за отсутствия материалов, а не из-за отсутствия чертежей самого самолета.

А для нашей атомной бомбы на сегодня ничего нет – нет урана-235, нет способов его получения, нет оборудования для этого, нет заводов. Нет плутония, нет реактора для его наработки, нет даже представлений, как с ним работать. Нам предстоит привлечь и организовать работу нескольких сотен тысяч человек только в атомной отрасли, и миллионы работников в других областях, причем так, чтобы там, как только потребуется, немедленно бросали свою работу и начинали работать на бомбу. Работа по собственно изготовлению бомбы, как бы она ни была сложна, – это ничто по сравнению с работой над материалами, из которых она будет изготовлена, – вздохнул Берия.

– Это так, я просто не договорил, – подтвердил слова Берии Молотов.

– И как же, Вячеслав, ты собираешься эту работу сделать? – спросил Сталин.

– Ты знаешь, Коба, я большевик, я живу для коммунизма, и я умру для него на любом посту, на который меня поставит партия, но, Коба, и партии, и Советскому Союзу будет лучше, если мы эту работу поручим Берии.

Сталин, до этого разговаривавший очень спокойно, не забывая осматривать кусты роз, вскипает, бьет ладонью по бутону, осыпая лепестками ботинки.

– Берии?! И это Берии?! Металлургия – Берии! Топливная промышленность – Берии! Производство оружия – Берии! Танки – Берии! Добыча нефти – Берии! Да, забыл, Берия еще и нарком внутренних дел! Когда же вы перестанете эксплуатировать этот гнилой лозунг: «Кто везет, на том и ездят!» Маленков завалил выпуск самолетов – передадим это дело Берии! Каганович расписался в своей бессилии организовать железнодорожные перевозки – поручим их Берии! Когда же это закончится?! – несколько успокоившись. – Знаешь, Вячеслав, дай бог нам на своем большевистском посту умереть не от безделья, а то мы еще до этого задавим Берию на его посту своей немощностью.

– Но мы же можем какие-нибудь дела передать от Лаврентия кому-нибудь молодому, скажем, добычу нефти, – невозмутимо игнорируя вспышку Сталина, настаивал на своем Молотов.

– Нефти? Да ты что – не понимаешь, что нефть это мясо для советского народа? Что мы не можем больше поставлять несколько зерна на экспорт, потому, что, сколько бы дополнительного зерна мы не выращивали, а его нужно скармливать скоту, чтобы получать мясо. А что еще поставлять на экспорт, пока мы не начнем производить для экспорта избыточное количество техники? Только нефть. Это важнейшая задача, и какому же молодому ты ее хочешь поручить?

Вознесенскому? Так он хорошо справляется только с теми делами, которые знает, как делать, а новое дело он не потянет и замордует нас вопросами. Новое дело быстрее и легче самому сделать, чем ему поручать.

Маленкову? Так он все превратит в бумажную волокиту.

Может, Хрущеву с его энергией? Так мы будем иметь не нефть, а большую поленницу дров, которые он наломает, пока доберется до нефти.

– Но ведь я уже не молод садиться за парту и учить физику, – не сдавался Молотов.

– А я – мальчик?! – вновь раздраженно отчеканил слова Сталин.

После этого Сталин повернулся и, ни слова не сказав, быстро пошел по дорожке по направлению резиденции, а Молотов, виновато полубобникая Берию, попытался оправдаться.

– Лаврентий, извини, но я искренне думаю, что никто в стране не организует это дело лучше тебя.

Берия же, удивленно и восхищенно глядя вслед Сталину, ответил в пространство.

– Не ожидал я от товарища Сталина такого... Не ожидал!

Проблема управления

Будучи умным человеком, Берия прекрасно осознавал свою роль в системе управления СССР и его народным хозяйством, знал, что он один из наиболее сильных хозяйственных руководителей страны, если не самый сильный, поэтому, хотя Сталину и не хочется поручать ему атомный проект, а все равно поручит. И Берия начал думать о том, как ему сделать эту бомбу, – как организовать ее создание в СССР.

Он снова освежил в памяти все, что добыла разведка об американском атомном проекте, и в мозгу привычно воссоздалась схема управления, во главе которой он поставил себя. Ниже были узлы управляющих инстанций, подчиняющихся ему, и уже начали всплывать фамилии кандидатов на занятие должностей в этих инстанциях, но Берия вдруг понял, что так ничего не получится. Он воспроизводил в мозгу обычную схему наркомата (министерства), но дело было всеобъемлющим и требовавшим задействования практически всех отраслей народного хозяйства. А при наркоматной схеме, требующей согласования всех вопросов с другими наркоматами, дело будет двигаться крайне медленно, и его ускорение потребует невероятных усилий, причем, с непрерывным вовлечением Сталина в решение любых, в том числе и мелких вопросов.

Такая схема даст эффект только в случае, если возглавлять ее будет не Берия, а сам Сталин – глава страны и руководитель всего ее народного хозяйства, но тогда Берия будет руководителем только на бумаге, а на самом деле он будет просто передаточной инстанцией приказов и распоряжений от Сталина к своим подчиненным. Быть таким «руководителем» – это мечта любого бюрократа, но не Берии, – он хотел видеть воплощение в атомном проекте плодов собственного ума и труда, а не только сталинских.

Но когда все время над чем-то думаешь, то решение найдется, и недели через две нашел решение и Берия. Он набросал это решение на двух страничках, положил на дно папки для бумаг, с которой обычно ходил к Сталину, и стал ожидать, когда же Сталин вернется к его участию в атомном проекте.

Поздним вечером 19 августа 1945 года Берия был приглашен в кабинет Предсовнаркома СССР. Сталин стоял у окна, глядя в опускающиеся сумерки, и вошедший Берия не стал отвлекать его от мыслей, а просто сел у стола для совещаний, ожидая, когда Сталин очнется от раздумий.

Заканчивалась война Советского Союза с Японией, и проходила она быстрее и легче, чем ожидал Сталин.

Эта война началась 9 августа 1945 года, а уже утром 18 августа главнокомандующий японской Квантунской армией генерал Ямада, находившийся в Чанчуне, подтвердил по радио согласие выполнить все условия капитуляции, предложенные ему командующим советскими войсками маршалом А. М. Василевским. И в этот же день в Харбине высадился первый эшелон десанта в 120 человек, сопровождавший генерала Шелахова. Он встретился с группой японских генералов во главе с начальником штаба Квантунской армии генералом Хата и предъявил им условия капитуляции японских войск. Японцы вынуждены были их принять, и уже утром 19 августа Хата с группой японских генералов и офицеров были доставлены на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта к маршалу К. А. Мерецкову. А в 14 часов 10 минут 19 августа подписал акт о капитуляции сам генерал Ямада, после чего он и премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзин-хуэй выступили перед войсками и населением по радио, призвав прекратить сопротивление.

Дело было сделано – Великая Отечественная и, одновременно, Вторая мировая войны были закончены. Огромный груз упал с души у Сталина, но, как всегда бывает у руководителя,

окончание одного дела означало, что нужно всеми силами наваливаться на очередное. И сейчас Сталин думал об одном из таких дел – о том, как предотвратить Третью мировую войну.

– Ну, что же, американцы расставили точки над «i»: взорвали атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, – не спеша, начал Сталин. – И этим они показали всему миру, в первую очередь нам, что и бомба у них есть, и решимости ее применить тоже достаточно, – Сталин помолчал. – Не вижу иного выхода, Лаврентий, надо тебе браться за это дело.

Сталин вновь задумался, и Берия, видя это, не спешил отвечать.

У Сталина было очень много подчиненных, и все они (порою не без оснований) считали себя прекрасными работниками и выдающимися государственными деятелями. Однако среди них было очень мало таких, которым можно было поручить совершенно новое дело.

Все остальные были хороши в делах, по которым уже было известно, как их делать, и по которым требовался только контроль за исполнением и незначительные, тоже понятные, усовершенствования. В таких, привычных, делах подчиненным не требуется рисковать и брать на себя ответственность за абсолютно новое решение, по которому нельзя предсказать, чем оно закончится, – победой или поражением. Правда, таким, сереньким подчиненным новые дела тоже поручались (куда денешься!), но такие подчиненные тут же шли к Сталину, чтобы спросить его, как это новое дело сделать. Прямо они, конечно, не спрашивали, поскольку их должностное положение обязывало их принимать решения самим, но они «согласовывали» со Сталиным свои решения, как бы демонстрируя ему свою исключительную дисциплинированность и послушность.

Однако Сталину, чтобы согласовать какое либо решение своему подчиненному, требовалось разобраться в этом вопросе так же хорошо, как и самому подчиненному, то есть, таким «согласованием» подчиненные Сталина заставляли Сталина работать за себя и нести ответственность за те дела, которые Сталин поручил этим подчиненным. И деваться было некуда – Сталин вынужден был работать за таких «государственных деятелей», но справиться он мог только с их небольшими по масштабу делами – он успевал вникнуть в подробности таких дел, чтобы принимать по ним компетентные решения.

А среди подчиненных Сталина Берия был полностью самостоятельным и ответственным работником, которому без страха можно было поручить любое новое дело, и Сталин знал, что если Берия его не сделает, то тогда это дело не сделает никто.

Но это было не единственным достоинством Берии, которое знал и ценил Сталин.

Огромная эффективность Берии как руководителя достигалась прежде всего за счет его ума. (Сталин внутренне усмехнулся: этот довод мало действует на людей – ведь все «тоже умные». Вот в этом заключается незаметная для многих разница – все тоже умные, а Берия был просто умным). Сталин знал, что многие, зная Берию прежде всего как главу НКВД, уверены, что он каждого мог убить или посадить в лагерь, поэтому его подчиненные его боялись и только из-за этого страха становились очень трудолюбивыми.

Это не так, и даже не потому, что Берия никогда такой власти не имел. Просто умный руководитель никогда не станет пугать подчиненного. Если бы люди вдумывались в то, как функционирует система управления, то без труда поняли бы, почему это так. Запуганный самодуром-начальником подчиненный вынужден подавить в себе любую инициативу и работать только «от и до» – делать только то, что приказал начальник.

Ведь тут так. Если вы в подчинении у самодура и проявили инициативу, т. е. сделали нечто, чего он не приказывал, то тут два варианта. Это «нечто» может окончиться неудачей. Что с вами сделает начальник за то, что вы нанесли убытки самовольничая? При наличии небольшой фантазии, вы это легко себе представите. Второй вариант – вы добились успеха. Не спешите радоваться, результат может быть еще хуже. Если, действуя по своей инициативе, без приказа самодура-начальника, вы добьетесь успеха, то этим оскорбите его. Получится, что он такой дурак, который не догадался дать вам нужный приказ, а вы умнее его, и сделали трудное

дело без его мудрых указаний. Конечно, он вас не накажет – победителей не судят, – но найдет способ отбить у вас желание самовольничать.

В результате у дурака-начальника умственный потенциал его подчиненных парализуется, а сам начальник не способен продумать и указать, что делать каждому подчиненному. Такой начальник может даже сам «пахать» днями и ночами, а его подчиненные все равно будут бездельничать, дожидаясь его указаний. И тут тоже два варианта. Если дело, которым командует дурак, запугавший подчиненных, развивается экстенсивно, т. е. растет количественно, то за счет этого какое-то время его дурость не будет видна и создастся впечатление, что такой стиль руководства эффективен.

Положим, дураку поручили выращивать зерно, и он в первый год приказал засеять 10 000 га, во второй 15 000, в третий 20 000 га и т. д. Объем получаемого зерна будет все время расти, за счет роста пахоты, создавая видимость благополучия. Но если прирост объема пахоты прекратится, и надо будет добиваться роста объема зерна интенсивным путем, т. е. в основном за счет ума подчиненных, то не только роста не будет, но и достигнутая эффективность начнет падать при увеличении числа наказаний и жестокости расправ.

Сталин вспомнил Кагановича – наркома путей сообщений. Пока правительство ежегодно давало ему дополнительные деньги, рельсы, шпалы, стройматериалы, паровозы, людей и т. д., он всех в своем наркомате «брал за горло», жестоко наказывал, и дела у него шли как будто прекрасно. Но началась война, экстенсивный рост НКПС остановился, перевозки надо было обеспечивать за счет ума подчиненных, и тут-то и выяснилось, что ни его личная работоспособность, ни наказания ничего не дают.

Умный руководитель сделает все, чтобы подчиненные его не боялись, сделает это не во имя дешевой популярности, а по деловым соображениям – чтобы не задавить в них инициативу. Если они ошибутся, то он простит, а если и накажет, чтобы подчиненный в следующий раз был вдумчивее и собраннее, то так, чтобы не запугать его. А если подчиненный отличился, то наградит его и будет за него искренне рад – ведь подчиненный эффективно сделал часть дела, порученного самому начальнику. Как же тут не радоваться?

Умный начальник, подумал Сталин, это не безвольный толстовец. Он может быть и зол на язык, и тяжел на руку, и скор на расправу. Пока есть лентяи и разгильдяи – по-другому нельзя. Если не бить разгильдяев, то это будет вопиющей несправедливостью по отношению к добросовестным работникам. Ведь все кормятся от одного дела, и бездельники паразитируют на трудолюбивых. Умные начальники бездельников и разгильдяев кнутом заставляют отрабатывать свой хлеб, поскольку выгнать их не всегда удается: не всегда есть им замена, да и не всегда эту замену справедливо делать. Скажем, ленивый солдат. Что, его в тыл отправлять, а трудолюбивые пусть гибнут?

Сталин редко видел Берию в работе с подчиненными, но Сталин получал с мест и характеристики на него, и доносы, поэтому прекрасно представлял стиль руководства Берии. Сталин знал, что Берия всегда предупреждает руководителей предприятий об их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, но у Берии была уникальная способность воодушевлять подчиненных на работу. Естественно, у директоров промышленных предприятий в начале работы с Берией превалировал страх. Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало, и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия поощрял в интересах дела свободу действий крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. То, что и требуется, подумал Сталин, жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать у руководителя уверенность, что в случае добросовестной работы над поставленной задачей поддержка Берии ему всегда обеспечена.

А атомный проект был огромным делом с тысячами никому не известных подробностей, в которые Сталину, на тот момент главе Советского правительства, председателю Госу-

дарственного Комитета Оборона, нарком (министру) обороны и фактическому генеральному секретарю партии, не хватило бы никакого времени вникнуть. Волей-неволей Сталин вынужден был пойти на уступки Молотову и забрать у него атомный проект, чтобы сдвинуть это дело с мертвой точки, но кроме Берии атомный проект действительно просто некому было поручить.

Спецкомитет

– Что ты, Лаврентий, думаешь по этому вопросу? – наконец прервал паузу Сталин.

Берия уже был готов к ответу.

– Нам нужна быстрота, – ответил он, – поэтому, полагаю, что начать нужно со специального комитета под моим председательством. Это будет как бы законодательный орган всех работ по бомбе. Включить в него предлагаю следующих товарищей.

Берия вынул из папки, принесенной с собой, лист бумаги и протянул его Сталину, а тот окинул документ взглядом.

– Ванников, Первухин, Махнев, Завенягин – это понятно. Маленков – тоже. Курчатов – понятен. Ты считаешь, что Вознесенский со своим гонором будет хорошо работать под твоим началом? – спросил Сталин.

– Будет, конечно, постоянно вам на меня жаловаться, но куда он денется – если будет он, то и Госплан будет работать на бомбу быстрее.

– Думаешь, академик Капица по-настоящему подключится к созданию бомбы?

– У меня, на самом деле, надежда на Курчатова и на тех, кого он привлечет к проекту. А Капицу я предлагаю для очистки совести. Ученый он, может, и не плохой, но тип скользкий, скорее всего, он извернется, чтобы не нести ответственности. Но чем черт не шутит – вдруг действительно начнет работать и что-то сделает?

– Полагаю, что ты больше надеешься на получение разведданных, нежели на наших ученых.

– Не совсем так. Вы же знаете, кто организовал нам поставку сведений по американскому атомному проекту, – это люди, которые могут предать нас в любой момент, как только они сочтут это выгодным для себя. Да, в конце концов, и американскую контрразведку нельзя недооценивать. Так что американские ученые это хорошо, но и своих ученых надо готовить и подбирать для этого дела.

– Что еще? – Сталин вернул Берии документ, тем самым согласившись с предложенными кандидатурами членов Спецкомитета.

– Далее я хочу создать нечто вроде смеси из разных министерств, назовем его, предположим, первое главное управление, и подчинить это управление Спецкомитету – это будет его исполнительный орган.

– Что значит – смесь министерств? – не понял Сталин.

– Введу в состав этого управления действующих замов тех министерств, которые во многом определяют решение этой проблемы.

– Но тогда ты посягнешь на единоначалие – у этих замов будет два министра – свой и ты.

– Тут мы, конечно, потеряем, – согласился Берия, – но зато возрастет скорость решения вопросов в этих министерствах.

– Кого предлагаешь во главу?

– Ванникова.

Сталин, усмехнувшись, оценивающе посмотрел на Берию.

– Надеешься, что прощенный предатель до конца жизни будет замаливать грехи самоотверженной работой?

– Не только на это. У Ванникова есть, конечно, и отрицательные черты, но он исключительно энергичен и болезненно честолюбив. Если мы пообещаем ему еще одно звание Героя, или даже два, то он будет землю носом рыть. А в данном случае только такие исполнители и нужны.

– Ты становишься главой атомного государства в государстве, – понимающе усмехнулся Сталин. – Хорошо, – подытожил он, – готовь соответствующие постановления о создании Спецкомитета и этого ПГУ.

Берия напоминающее посмотрел на Сталина.

– Товарищ Сталин. Все же меня надо освободить для этого дела хотя бы от чего-нибудь.

– От чего?

– Вы же знаете – от должности наркома внутренних дел.

– А кого вместо тебя?

– Круглова, моего зама в НКВД.

Сталин сначала сделал движение, как бы соглашаясь с Берией, но потом все же заколебался.

– Нет, подождем немного – пока у тебя по бомбе организационный период и дел не много. А чуть позже решим и этот вопрос.

Поздним вечером 31 декабря 1945 года Берия все еще никак не мог закончить набежавшие дела и работал в своем кабинете, когда из Киева позвонил его лучший друг Хрущев.

– Ага, – закричал Никита в трубку, – все еще на работе сидишь, прохвессор! – Хрущев мало обращал внимания на необходимость заменить свой малороссийский выговор на великорусский. – Поздравляю тебя, и Нину, и Серго с Новым, 1946 годом и желаю, чтоб вам и елось, и пилося, и хотелось, и могло! Домой езжай, прохвессор, домой! Пора праздновать!

– Спасибо, Никита! – Берия, сам забывший о поздравлениях, был искренне тронут звонком Хрущева. – Желаю, Никита, тебе и твоей Нине крепкого здоровья и удач в новом году! А с чего это ты взялся дразнить меня профессором?

– А ты что, обзоров заграничной прессы не читаешь?

– Да как-то руки не доходят.

– Тогда дай-ка я тебе прочту, что о тебе пишут империалисты, – в трубке было слышно, как Хрущев шуршит бумагами. – Вот из «Нью-Йорк таймс», – Никита начал, запинаясь, читать: *«Живой бывший начальник политической полиции – редкое явление в Советской России. На прошлой неделе в России появилось такое лицо – профессорского вида маршал Берия перестал быть начальником НКВД. Преемником Берия Сталин избрал генерал-полковника Сергея Круглова, великана с лицом младенца (6 футов и 2 дюйма, 245 фунтов), который имеет вид полицейского и действительно является таковым»*. Так что, раз ты дела в НКВД уже сдал младенцу, то ты теперь только прохвессор, – смеялся Хрущев.

Нефть для народа

В феврале 1946 года Лаврентий был вызван в кабинет Сталина. Около торца длинного стола для заседаний уже сидел Байбаков, тут же прохаживается Сталин с трубкой в руках. И этой трубкой Сталин показал вошедшему Берии место напротив Байбакова.

– Товарищ Берия! Вчера я выступил перед своими избирателями и сообщил советскому народу контрольные цифры, которыми мы, правительство, должны руководствоваться при восстановлении народного хозяйства. В том числе я уверил советский народ, что через три пятилетки, то есть к 1960 году, добыча нефти в стране возрастет по сравнению с сегодняшним днем в три раза и достигнет 60 млн. тонн.

Я согласовал это число с вами, и вы одобрили эти 60 миллионов тонн, уверив меня, что фактически мы будем производить гораздо больше...

– Как?! Еще больше?! – ужаснулся Байбаков.

– А народный комиссар нефтяной промышленности товарищ Байбаков, считает производство 60 млн. тонн нефти в 1960 году авантюрой, считает, что в 1960 году мы будем краснеть перед советским народом за не выполнение этого авантюрного плана.

– Я так не говорил! – запротестовал нарком.

– Но это следовало из того, что вы сказали. Товарищ Берия, я действительно возложил на нефтяную промышленность совершенно невыполнимое задание?

– Товарищ Байбаков, у председателя Совнаркома товарища Сталина есть заместители, которые руководят и отвечают за группы наркоматов. Какой заместитель товарища Сталина руководит наркоматом нефтяной промышленности? – прищурившись, задал риторический вопрос Берия.

Байбаков, опуская голову, ответил упавшим голосом.

– Вы, товарищ Берия.

– Значит это я, не только согласовал товарищу Сталину дать вам задание в 60 млн. тонн нефти, но и себя обязал дать Родине эти 60 миллионов тонн, не так ли?

– Но Лаврентий Павлович, – начал оправдываться Байбаков, – я специалист-нефтяник, я ответственно заявляю – невозможно за 15 лет скакнуть в добыче нефти в три раза. Мы сегодня качаем всего 19 млн. тонн в год, чтобы качать 60, нам нужно увеличивать производство, грубо говоря, на 20 % ежегодно, мало того, делать это непрерывно в течении 15 лет! Это невозможно!

Берия уже прекрасно разбирался во всех вопросах добычи и переработки нефти, но, главное, руководство нефтяной и топливной промышленностью заставило его досконально разбираться в геологии и технологии горного дела, и быть в курсе всех новейших достижений в этих отраслях науки.

– А девонские залежи, а шельфовая нефть, а «второе Баку», а метод опорных скважин? – тут же быстро спросил он Байбакова. – Вы что же, собираетесь все это осваивать враскачку, не спеша?

– Но в стране разруха, у нас очень мало буровых станков и еще меньше обсадных труб – ведь для них нужна очень прочная сталь. Как без всего этого мы будем бурить скважины? – ужасался Байбаков.

– Товарищ Байбаков, стволы артиллерийских орудий – это тоже трубы из очень прочной стали, а сами буровые станки не сложнее артиллерийских систем, – веско ответил на эти опасения Берия. – Мы переводим на мирные рельсы артиллерийские заводы, на которых у нас есть оборудование и специалисты, умеющие производить и прочные трубы, и сложные системы. Почему мы должны паниковать при мысли о тройном увеличении добычи нефти? Мы увеличим добычу гораздо больше, чем в три раза!

Сталин подошел к Байбакову, тот попытался встать, но Сталин чубуком трубки нажал на его плечо и посадил на место.

– Товарищ Байбаков, какими свойствами должен обладать советский нарком?

Байбаков, ненадолго задумавшись, ответил.

– Знанием своей отрасли, трудолюбием, добросовестностью... опорой на коллектив...

– Все верно, товарищ Байбаков, – подтвердил Сталин. – это очень нужные качества, но какие все-таки наиважнейшие?

– Ну, наверное, бережливость, самоотверженность...

– Еще что? – Сталин оставался недоволен ответом.

– Товарищ Сталин, я весь арсенал качеств наркома назвал. Буду рад, если вы мне что-нибудь подскажете.

– Все правильно товарищ Байбаков, – улыбнулся Сталин, и сам ответил с явственным грузинским акцентом, – но главного вы не сказали. У советского наркома должны быть «бичьи» нервы... плюс оптимизм!

Байбаков вышел, и Сталин с Берией остались наедине.

– Мы не ошиблись с этим юношей? – спросил Сталин.

– Не думаю, – ответил Берия, – просто он еще очень неопытен как нарком, отсюда все его страхи. Есть, конечно, и завихрения молодости – любит в ресторанах покрасоваться, как какой-то купчик или актриска, но я его от этого отучу. Тут дело в другом – он не имеет, не накопил нужных знаний для работы в такой должности, да и не один он – по топливному наркомату у меня такие же проблемы с наркомом. Это объективно, как говорится, даже если взять девять беременных женщин, то ребенка через месяц все равно не получишь.

– У тебя есть предложения?

– Надо временно разделить наркомат нефтяной промышленности на два аналогичных – на наркоматы юго-западного и восточного районов СССР. На второй поставим наркомом Евсеенко, кстати, и на него посмотрим в самостоятельном деле, может, он окажется лучше Байбакова. А года через три, когда наркомы будут готовы, снова объединим. То же надо сделать и с топливным наркоматом. А пока наркомом всей нефтяной и топливной промышленности СССР придется побыть мне.

– Много на себя валишь, Лаврентий.

– А куда денешься? Пока они самостоятельно не работают, мне все равно приходится их работу делать, а так они быстрее научатся.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Через 10 лет, к 1955 году, Советский Союз добывал уже 70 млн. тонн нефти, а через 15 лет, в 1960 году, добыл 147 млн. тонн – не в три, в почти в 8 раз больше, чем в 1945 году.

Глава 2

Берия: каким он парнем был

Перебор кавказцев

18 марта 1946 года проходило заседание Политбюро, на котором присутствовал сам Сталин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.